

И. А. Грабарь

О ДАТЕЛЬНО-МЕСТНОМ ПАДЕЖЕ В «СОКРОВЕННОМ СКАЗАНИИ МОНГОЛОВ»

В монгольском языке, как и в некоторых других языках /5, с. 349/, для дательного и местного падежей существует единая форма, т.е. дательный и местный падежи графически не различаются. Высказывая предположение, что «к древнейшим из частных (конкретных) падежей принадлежит, по-видимому, локатив» и что «в основание развития категории дательного легло значение, весьма близкое к значению локатива» /5, с. 351-352/. И. В. Нетушил разницу между локативом и дательным видит в том, что, «между тем как первый явственно обнаруживает значение места, в котором что-нибудь есть или происходит, последний, напротив, обозначает главным образом лицо, у которого, т.е. в сфере которого, какое-либо действие осуществляется» /5, с. 353/.

Именно такое понимание значений местного и дательного падежей мы и имеем в виду, когда в данной статье пользуемся терминами «местный падеж» и «дательный падеж».

В «Сокровенном сказании монголов»¹ (или «Юань чао би ши»), монгольском памятнике XIII в., присутствуют следующие суффиксы дательно-местного падежа: *-dur, -tur (-dür, -tür)*; *-a(-e)*; *-da, -ta (-de, -te)*. Рассмотрим каждую группу суффиксов в отдельности.

-dur, -tur (-dür, -tür)

По нашим наблюдениям, в тексте «Сокровенного сказания зги суффиксы употреблены 872 раза, из них с причастиями 189 раз, причем с причастиями прошедшего времени только 18 раз, остальные – с причастиями будущего времени (см. таблицу). Они используются в значениях как местного, так и дательного падежа, например²:

§7: *Dobun-mergen tede irgen-dür güri'esü* 'Добун-Мерган побывал у тех людей...'³;

§27: *noqot ireküi čaq-tur* 'С прилетом уток (букв. в то время, когда прилетают утки)';

§65: *Yisügei quda ger-tür minu oduya* 'Зайди ко мне в юрту, сват Есугай';

§79: *šikui-dur širquju orobasu* '...успел пробраться в густую чащу...';

§84: *Sorqan-šira-yin ger-tür qonobasu* 'когда ночевал [я] в юрте Сорган-ширая...';

§120: *Jelme-tür neyilen irebei* '...присоединился к Чжельме';

§127: *Jamuqa-tur elči ilē'esü* 'Когда к Чжамухе отправили послов...';

§155: *ene üge-tür Činggis qahan ügülerün* 'На эти слова Чингисхан заметил';

§183: *eme kö'ün minu qan ečige-tür büi* '...жена и дети мои - у хана-отца';

§199: *kimusu'ar-ıyan maltaju qajar-tur oro'asu* 'Если б [они] ... даже и в землю зарылись когтями своими...';

¹ Далее – «Сокровенное сказание».

² Здесь и далее все примеры из «Сокровенного сказания» приводятся по тексту Л. Лигети /13/.

³ Здесь и далее русский перевод дается по тексту С. А. Козина /3/.

§214: *Altani eke-yin ger-tür... sa'uju büle'e* 'Алтани [в ту пору] сидела в материнской юрте';

§247: *qonin jil Kitat irgen-tür morilabai* '... в год овцы [Чингисхан] выступил в поход против народа Китая';

§247: *Dungčang balaqasun-tur gürcü* 'Подойдя к городу Дун-Чану...';

§278: *Činggis qahan ečige-tür minu yabuqsat kebde'ül* '...кебтеулы состоявшие при родителе нашем, Чингисхане...';

Примечательно, что суффиксы *-dur*, *-tur* не встречаются в словах, управляемых глаголами «говорить (сказать)» и «давать (дать)». Возможно, именно это обстоятельство дало основание Э. Хенишу считать этот падеж (на *-dur*, *-tur*) локативом /11, с. 67/. При этом Э. Хениш не проводил различия между употреблением данных суффиксов в именных и причастных формах. А между тем, употребляясь с причастиями, суффиксы *-dur*, *-tur* всегда имеют временное значение, например: *büküi-tür* 'когда находился [где-то] во время пребывания [где-то]';

Д. Ч. Стрит называет суффиксы *-dur*, *-tur* (*-tür*) лативными (the lative particles), но первым из десяти значений, в которых эти суффиксы встречаются, он приводит локальное (local) /17, с. 36/.

Характерно, что с причастиями употребляется только суффикс *-tur* (но не *-dur!*)⁴. Единственное «исключение» встретилось в §149/3a/: *üküküi-düriyen* 'во время смерти своей', но здесь суффикс дательного-местного падежа употреблен с притяжением *-iyen* 'свой'. Это обстоятельство, видимо, следует учитывать, так как очень часто суффикс *-tur* «переходит» в *-dur*, если сопровождается суффиксом безличного притяжения *-iyan* (*-iyen*), например: §58: *irgen-tür*; §81: *irgen-düriyen*; §65: *ger-tür*; §28: *ger-düriyen* (но §36, 37: *ger-türiyen*); §199: *qajar-tur*; §88: *qajarduriyan* (но §9: *qajar-turiyan*); §247: *balaqat-tur*; §248: *bataqat-duriyan*; §238: *üge-tür*; §249: *üge-düriyen*; §149: *tergen-tür*; §55: *tergen-düriyen*; §55: *amin-tur*; §140: *amin-duriyan*; §141: *qahan-tur*; §146: *qahan-duriyan*.

Интересно отметить, что в нашем тексте суффикс *-dur* (*-dür*) без притяжения *-iyan* (*-iyen*) почти не встречается и что суффикс *-tur* употребляется вместо *-dur*, и наоборот, что противоречит правилам монгольского классического языка, т.е. языка XVII-XX вв. Этим вопросом специально занимался С. Мураяма. Он подверг сравнительному анализу формы дательного-местного падежа в «Сокровенном сказании» /15, с. 23-47/ и установил, что смешение суффиксов *-dur* и *-tur* имеет место главным образом в двух первых главах. Что же касается остальных десяти глав (III-XII), то в них такое смешение имеет место в редких случаях и соответствует нормам классического языка /15, с. 45/.

В классическом монгольском языке, как известно, имеются суффиксы *-du* (*-dü*), *-tu* (*-tü*), которые считаются усеченными вариантами суффиксов *-dur* (*-dür*), *-tur* (*-tür*). Однако в языке «Сокровенного сказания» суффиксы *-du* (*-dü*), *-tu* (*-tü*) вообще не встречаются в качестве показателя дательного-местного падежа.

⁴ Э. Хениш, однако, *-tur* с причастиями везде заменял на *-dur* /11, с. 6-16/, хотя китайскому придыхательному [tʰ] соответствует монгольское [t], но не [d]!

Частотность употребления суффиксов дательного-местного падежа в «Сокровенном сказании монголов»

Глава	<i>-dur, -tur (-dür, -tür)</i>			<i>-a (-e)</i>			<i>-da, -ta (-de, -te)</i>			<i>-dača/ -deče, -teče</i>
	с именами	с причастиями	всего	с именами	с причастиями	всего	с именами	с причастиями	всего	
I	43	12	55	29	3	32	20	-	20	7
II	57	31	88	29	-	29	12	-	12	2
III	44	16	60	42	-	42	44	-	44	14
IV	50	18	68	36	-	36	21	-	21	4
V	83	18	101	44	-	44	23	-	23	3
VI	57	22	79	42	-	42	30	-	30	7
VII	50	6	56	30	3	33	19	-	19	9
VIII	66	10	76	37	-	37	40	1	41	3
IX	51	13	64	31	3	34	27	-	27	3
X	43	13	56	29	1	30	27	-	27	5
XI	67	18	85	40	1	41	19	1	20	7
XII	72	12	84	57	5	62	13	-	13	3
Всего		189	872		16	462		2	297	67

-a (-e)

Среди монголоведов нет единого мнения по поводу употребления суффикса *-a (-e)* как показателя дательного падежа. Например, у А. Бобровникова /1, с. 96/ вообще отсутствует термин «дательный падеж». Г. Л. Рамстедт /7, с. 39/, напротив, предпочитал называть падеж на *-a (-e)* дательным. Э. Хениш /11, с. 66/ также называл этот падеж дательным. Д. Ч. Стрит этот суффикс считает суффиксом дательного падежа (the dative particle), имеющим, однако, помимо других девяти значений также и локальное (local) значение /17, с. 34/.

Н. Н. Поппе по поводу суффикса *-a (-e)* отмечал, что в письменном монгольском языке XX в. он «употребителен от ограниченного количества основ и притом обычно лишь в значении местного падежа, в то время как в языке XIV столетия и еще несколько позже он функционировали как дательный падеж» /6, с. 55/.

В «Сокровенном сказании» суффикс *-a (-e)* представлен очень широко, по частоте употребления он стоит на втором месте после суффикса *-dur (-tur)*: употреблен 462 раза, из них только 16 раз с причастиями – 4 раза с причастиями прошедшего времени и 12 раз – с причастиями будущего времени.

Суффикс *-a (-e)* в нашем тексте употребляется в значениях и местного и дательного падежа. Например:

- §177: *Čui-müren-e ... otba* ‘...Бежал [в Сартаульскую земли], на реку Чуй’;
- §177: *Güse’ür-na’ur-a jolqaldubai* ‘...Свиделся [с тобой] на озере Гусеур-науре’;
- §198: *Altay-yin ebür-e übüljeju* ‘...Зимовал на южном склоне Алтая’;
- §224: *qolo qajar-a ilēye* ‘[Надлежит] ссылать ... в места отдаленные’;
- §123: *Temüjin-e ügüleriin* ‘Сказали Темучжину...’;
- §209: *Qubilay-a ügüleriin* ‘[Чингисхан] говорил, [обратясь к Хубилаю...’];
- §137: *Qasar-a ökbe* ‘Отдали Хасару’;
- §178: *kö’ün-e minu ök* ‘Отдайте сыну моему’.

При переводе «Сокровенного сказания» с языка XIII в. на язык XX в. Ц. Дамдинцурэн /2/ вместо суффикса *-a (-e)* везде ставит суффиксы *-du (-dii)*, *-tu (-tü)*. т.е. усеченный вариант суффиксов *-dur (-dür)*, *-tur (-tür)*:

§177: *Čui müren-dü bayıqu-du kürcü*; §177: *Güsegür nayur-tu ... jolyalduba*; §198: *Altay-yin übür-tü ebüljii*; §224: *qota yajar-tu čölege*; §123: *Temüjin-dü ügülerün*; §209: *Qubilay-du ügülerün*; §137: *Qasar-tu ögbe*; §179: *Köbegün-dü minu ög*.

Итак, суффикс *-a (-e)* несвойствен письменному монгольскому языку XX в. Но интересно еще и другое: если суффиксы *-dur, -tur* в языке XIII в. не употреблялись в словах, управляемых глаголами «говорить» и «давать», то, как видно из последних четырех примеров, в языке XIX-XX вв. в словах, управляемых этими глаголами, стали употребляться суффиксы *-du, -tu*. Иначе говоря, сфера употребления суффиксов *-dur, -tur (-du, -tu)* расширилась.

В «Сокровенном сказании» часто суффиксом дательно-местного падежа *-a (-e)* оформляется субъект в страдательных конструкциях. Примечательно, что в «Алтай тобчи» (монгольской летописи XVII в., в которой содержится пересказ 233 параграфов «Сокровенного сказания») в тех местах, где текст не подвергся стилистической обработке, суффикс *-a (-e)* в таких конструкциях, как правило, тоже сохраняется, например:

«Сокровенное сказание»	«Алтай тобчи»
§53: <i>irgen-e bariqda'a bi</i>	§53: <i>irgen-e bariyda'a</i> ⁵
	‘Схвачен я татарами’;
§71: <i>H'ö'elün-ne... ke'ekdeküi bolbi</i>	§71: <i>Ögelen-e ... kemegeküi bolba</i>
	‘[Нас] может оговаривать [даже] Оэлун...’;
§136: <i>Jürkin-e teyin kikdebe</i>	§136: <i>Jürken-e teyin kigdebei</i>
	‘Чжуркинцы так поступили [с нашими людьми]’;
§145: <i>gü'ün-ne ese üjekdebe</i>	§145: <i>Kümün-e ese üjegdebe</i>
	‘Остался не замечен людьми’;
§251: <i>Altan qa'an-a jetgükdejü</i>	§251: <i>Altan xayan-a jedkügdejü</i>
	‘Алтан-хан учинил препятствия [нашему посольству]’;
§214: <i>sumun-a tusda'asu una'asu</i>	§214: <i>sumun-a tusdaju unabasu</i>
	‘[Огодай] упал, сраженный стрелой’.

Из пяти причастий с суффиксом *-a (-e)* без изменения оставлены летописцем XVII в. два причастия:

«Сокровенное сказание»	«Алтай тобчи»
§213: <i>sa'uqsan-a</i>	§213: <i>sayuqsan-a</i>
§225: <i>aqsayu-a</i>	§225: <i>aysxyu-a</i>

Из оставшихся трех случаев в одном вместо суффикса *-a* (§64: *boluqsan-a*) мы находим *-dur (boluqsan-dur)*, в другом случае изменен глагол (§213: вместо *eseksen-e* употреблено *aysan-a*), и еще §240: вместо *qatangquy-a* употреблено *yadayun-a*.

В целом можно сделать вывод, что суффикс дательно-местного падежа *-a (-e)* в языке XIII в. употреблялся главным образом с именами, с причастиями же употреблялся крайне редко в отличие от суффиксов *-dur (-dür), -tur (-tüür)*. Причем такую же картину мы наблюдаем и в классическом монгольском языке раннего периода (XVII в.).

⁵ Примеры из «Алтай тобчи» здесь и далее приводятся по тексту С. А. Козина /3/.

-da(-de), -ta(-te)

Принято считать, что эти суффиксы в качестве показателей дательного-местного падежа в классическом письменном монгольском языке не встречаются⁶ (за исключением омертвевших форм дательного-местного падежа, например: *ende* 'здесь', *tende* 'там', *mašida* 'очень', *jekede* 'весьма', *aruda* 'сзади', *dergede* 'рядом', *nasuda* 'всегда' и т.п.).

Однако в XIII-XIV вв. картина была иной. Обратимся к некоторым документам, в которых зафиксирован монгольский язык этого времени.

1. 1257 г. Надпись Мунке⁷: *üyes-te*.

2. 1289 г. Письмо Аргуна французскому королю Филиппу Красивому: *sara-ta* (-da?), *ingri-te* (-de?), *qaučid-ta*.

3. 1290 г. Письмо Аргуна Миклошу IV: *kedün-te*, *sine-te* (*sine-de*?), *Urumi-ta* (-da?).

4. 1305 г. Письмо Ульдзейту Филиппу Красивому: *ingri-te* (-de?), *inaysi-ta* (-da?), *qaučid-ta*.

Итак, из этих документов видно, что суффиксы дательного-местного падежа *-da* (-de), *-ta* (-te) имелись в письменном монгольском языке XIII-XIV вв.

Кроме того, суффикс *-da* (-de) [но не *-ta* (-te) !] присутствует в памятниках квадратного письма (созданного тибетским ламой Пагбой в 1269 г. и просуществовавшего около ста лет), а также в произведении «Ноуа-уи уи-уи» (1389), где отражен монгольский язык в китайской транскрипции /12, с. 119/.

Обращает на себя внимание тот факт, что в баоанском языке, т.е. в языке той народности, которая оторвалась от остальных монголов, по-видимому, еще в XIII-XIV вв., дательного-местный падеж образуется при помощи суффикса *-de* /9, с. 26/.

В языке «Сокровенного сказания» суффиксы *-da* (-de), *-ta* (-te) присутствуют как показатели дательного-местного падежа⁸ (см. табл.):

§177: *qan ečige-de minu ügüle* 'Хану, отцу моему, говорите...';

§255: *qan ečige-de ...güčün öksü* 'Будем мы служить батюшке-государю (букв. будем отдавать силы хану-отцу)';

§105: *Jamuqa anda-da ügülejü iläksen üge* 'Слова, которые [Темучжин] наказал передать анде Чжамухе...';

§210: *ta Bo'orču Muqali teri'üten noyat-ta* 'Для вас Боорчу с Мухалием и прочими нойонами (букв. для нойонов, во главе которых Боорчу и Мухали)';

§265: *Čo'orqat-ta sobilaju* 'В [урочище] Цоорхат, дождемся [от них] ответа';

§150: *Činggis qahan-tur Kereyid-ün Jaqa-gambu Tersüt-te бүкүү-түр нөкөчере иребе* 'К Чингисхану, когда он находился в урочище Терсут, в сотоварищи прибыл Чжаха-Гамбу из Керейта';

§214: *eke-tür ger-te oroju...*⁹ 'Вошел [он] к матери в юрту...';

⁶ Например, см. Н. Поппе /16, с. 195/.

⁷ Примеры из этого и других трех документов приводятся по текстам Л. Лигети /14, с. 19, 90-91, 93-94, 98-100/.

⁸ М. Вейерс суффиксы *-da* (-de), *-ta* (-te) считает суффиксами дательного-местного падежа (dativ, lokativ) /18, с. 71-72/. В «Сокровенном сказании» суффикс *-ta* (-te) употреблен 63 раза; причем в это число входят 3 случая употребления *-te'en* (*-te* + *-ijen*) и 6 случаев употребления *-teče*.

⁹ Это единственный случай, когда со словом *ger* 'юрта' употреблен в значении местного падежа суффикс *-te*. Во всех остальных случаях в значении местного падежа

§66: *güreget-te talbiju otçu* ‘Оставил [Темучжина] в зятях и уехал’;

§242: *eke-de kö'üt-te ...irge qubiyaju ögüye ke'en* ‘Порешив выделить уделы для матери, сыновей’.

Из приведенных выше примеров шесть можно сопоставить с таковыми из аналогичных мест в «Алтан тобчи» (три параграфа «Сокровенного сказания» – § 177, 255, 265 – в летописи XVII в. отсутствуют). При сопоставлении фрагментов оказалось, что суффиксы *-da (-de)*, *-ta (-te)* летописцем XVII в. почти везде сохранены. Для наглядности приведем эти шесть примеров из «Алтан тобчи»: §105: *Jamuxa-da ögüleju ilegegsen öge*; §210: *Ta, Boğurçi, Muxali, terigüten noyad-ta*; §150: *Çinggis-xayan-dur Kereyid-ün Jixa-Kambu Tarxud-ta*¹⁰ *büküi-dür nöküçere irebe*; §214: *Eke-dür ger-te sayi erigylsün (erigülün)*; §66: *kürged-te talbiju odsuyai*; § 242: *Eke-de, köbegüd-e ... irgen ulus ömçi öggüye kemen ...* В последнем примере помимо стилистической обработки фразы слово *köbegüd* ‘сыновья’ употреблено с суффиксом дательного-местного падежа *-e*, а не *te*.

В «Сокровенном сказании» при помощи суффиксов *-da (-de)*, *-ta (-te)* оформляется субъект в страдательных конструкциях – правда, довольно редко.

Из 16 случаев для пяти мы находим полное соответствие в «Алтан тобчи», а именно:

«Сокровенное сказание»	«Алтай тобчи»
§143: <i>tenggeri-de ese ta'alaqdaba</i> ‘[Видно, мы] прогневали небеса (букв. небом не облаканы)’;	§143: <i>tengri-de ese tayalaydaba</i>
§151: <i>aqada'an alaqdarun</i> ‘Под угрозой убийства со стороны своего старшего брата’;	§151: <i>axa-dayan alaydarun</i>
§223: <i>Güçügür moçi-da irge</i>	§223: <i>Güçügür möçi-de irgen</i>

со словом *ger* употребляются только суффиксы *-dür*, *-tür*. Здесь же автору «Сокровенного сказания» пришлось прибегнуть к форме *ger-te* ‘в юрту’, по видимому, из стилистических соображений, поскольку впереди стоит слово, оформленное суффиксом *-tür*: *eke-tür* ‘к матери’.

¹⁰ Интересно, что слово *Tersüt*, имеющееся в «Сокровенном сказании», изменено (или неверно прочтено?) Лубсан Данзаном, автором «Алтан тобчи», и превратилось в *Tarxud*. Неверное прочтение могло иметь место лишь в том случае, если Лубсан Данзан пользовался текстом памятника (т.е. текстом «Сокровенного сказания»), написанным письмом уйгурской системы, так как в этом письме, особенно в XIII в., иногда очень трудно было отличить букву «heth» от «sin» или конечную букву «uod» от конечной «ges», что вызвано нечеткостью в их написании. Кстати, о смещении конечных *i* и *r* в «Алтан тобчи» упоминает Н. Л. Шастана /10, с. 312/. В пользу того предположения, что «китайская транскрипция имела дело с соответствующей рукописью на уйгуро-монгольском алфавите», – а «некоторое основание» для такого предположения признает даже С. А. Козин /3, с. 25/ (придерживавшийся, как известно, другой точки зрения относительно оригинала памятника /3, с. 18/ – говорит тот факт, что в тексте «Сокровенного сказания», переданном китайскими иероглифами, «нередко допущены неточности в транскрибировании отдельных слов, сходных по графическому изображению в старомонгольской письменности» /4, с. 8-9/. Причем «эти разные формы транскрибирования» встречаются в основном в тех местах, где монгольской письменностью передаются звуки [g/k], [d/t] или [o/u], для которых имеются всего три графемы.

<i>tutaqdaju</i>	<i>dutaydaju</i>
‘[Потом] недоставало людей для плотника Гучугура’;	
§256: <i>Aša-gambu-da ker eyin</i>	§256: <i>Esen-Kambu-da ker eyin</i>
<i>ügülekten?</i>	<i>ögulegdekü?</i>
‘[Мыслимо ли] стерпеть подобное оскорбление от Аша-Гамбу?’;	
§256: <i>tenggeri-de ihe'ekde'esü</i>	§256: <i>Tngri-de ibegdebesü</i>
‘С помощью [Вечного] Неба (букв. если будем защищены [Вечным] Небом)’.	

Как видно из этих (и других) примеров, Лубсан Данзан не считал нужным употреблять суффиксы *-dur*, *-tur* или *-a* вместо суффиксов *-da*, *-ta*. Вообще при сопоставлении соответствующих фрагментов «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи» оказалось, что летописец XVII в. в большинстве случаев оставил именно эти суффиксы (хотя мог заменить их другими). Значит, тогда суффиксы *-da* (*-de*), *-ta* (*-te*) не только имелись в письменном монгольском языке, но и употреблялись почти так же часто, как и в языке XIII в.

Но возможно и другое объяснение употребления этих суффиксов в «Алтан тобчи». Как замечает Н. Л. Шастина, «язык, на котором написана летопись "Алтан тобчи"... содержит довольно много архаизмов, характерных для более раннего времени. Так как летопись составлена на основании нескольких источников, то заимствованные из них части сохраняют языковые особенности оригинала... Как ни старался Лубсан Данзан нивелировать язык своих источников, достигнуть этого ему не удалось» /10, с. 43/.

В «Сокровенном сказании», как мы установили, суффиксы дательного-местного падежа *-da(-de)*, *-ta(-te)* употребляются в основном с именами. В причастных формах они встретились лишь дважды: §202: *yabulduqsat-ta* и §260: *urququ-da*.

Следует также отметить, что только от этой падежной формы образуется двойная падежная форма – местно-исходного падежа, например:

§122: *Jamuqa-dača* ‘от Чжамухи [отделились]’;

§281: *aqā de'ü-deče* ‘от братьев [выслушивал упреки]’;

§154: *ger-teče* ‘из юрты [вышел]’.

Форма местно-исходного падежа употреблена в нашем тексте 67 раз, из них: в 6 случаях – *-teče* (причем пять из них падает на слово *ger* ‘юрта’ и один – на слово *ölegei* ‘колыбель’) и в 61 случае – *-dača* (*-deče*).

Что же касается суффиксов *-da* (*-de*) и *-ta* (*-te*), то в квадратной письменности встречаются только *-da* (*-de*), а также *-dur*, но нет совершенно *-ta* (*-te*) и *-tur*. На основании этого факта (а также некоторых других) С. Мураяма исключает предположение С. Хаттори, что «Сокровенное сказание» было переложено с квадратного письма на китайское /15, с. 46/. Однако С. Мураяма не учитывает того, что в этом письме проводилось строгое различие между придыхательными и простыми согласными. Как справедливо замечает Г. Д. Санжеев, «для монгольского “уха” существенно важным было различие не между звонкими и глухими или не между слабыми и сильными, а между простыми и аспирированными. Вот почему в оформлении суффикса дательного-местного падежа КВП (квадратное письмо, – И. Г.) показывает только *-da*, *-de* и *-dur*, поскольку различие на фонетическом уровне между [д] и [т] не имело фонологического значения. Это значит, что в приведенном суффиксе дательного-

местного падежа на фонетическом уровне можно предполагать не только [д], но и [т], потому что орфографически простой [т] допускался лишь в написании иноязычных заимствований» /8, с. 141-142/.

Литература

1. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
2. Дамдинсүрэн Ц. *Mongγol-un Niguča Tobčiyan* («Сокровенное сказание») Улаанбаатар, 1947.
3. Козин С. А. «Сокровенное сказание»; Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.-Л., 1941.
4. Манлажав Л. Фонологическая система языка «Тайной истории монголов». Автореф. канд. дис. Улан-Батор, 1973.
5. Нетушил И.В. Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка. Т. II. О падежах, Харьков, 1885.
6. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
7. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957..
8. Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
9. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
10. Шастина Н.П. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М., 1973.
11. Haenisch E. Untersuchungen über das Yuan-ch'ao pi-shi (Die Geheime Geschichte der Mongolen). Lpz., 1931.
12. Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle, Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1949.
13. Ligeti L. A Mongolok Titkos Története. Budapest, 1964.
14. Ligeti L. Preklasszikus Emlekek. Budapest, 1967.
15. Murayama S. Über die Annahme, dass der chinesischen Transkription der Geheimen Geschichte der Mongolen ein Original in hP'ags-pa-Schrift zugrunde liege, Gengo Kenkyu. – «Journal of the Linguistic Society of Japan», University of Tokyo. 1953. № 24.
16. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 1965.
17. Street J. Ch. The Language of The Secret History of the Mongols. New Haven, 1957.
18. Weiers M. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des präliterarischen Schriftmongolisch. Wiesbaden, 1969.